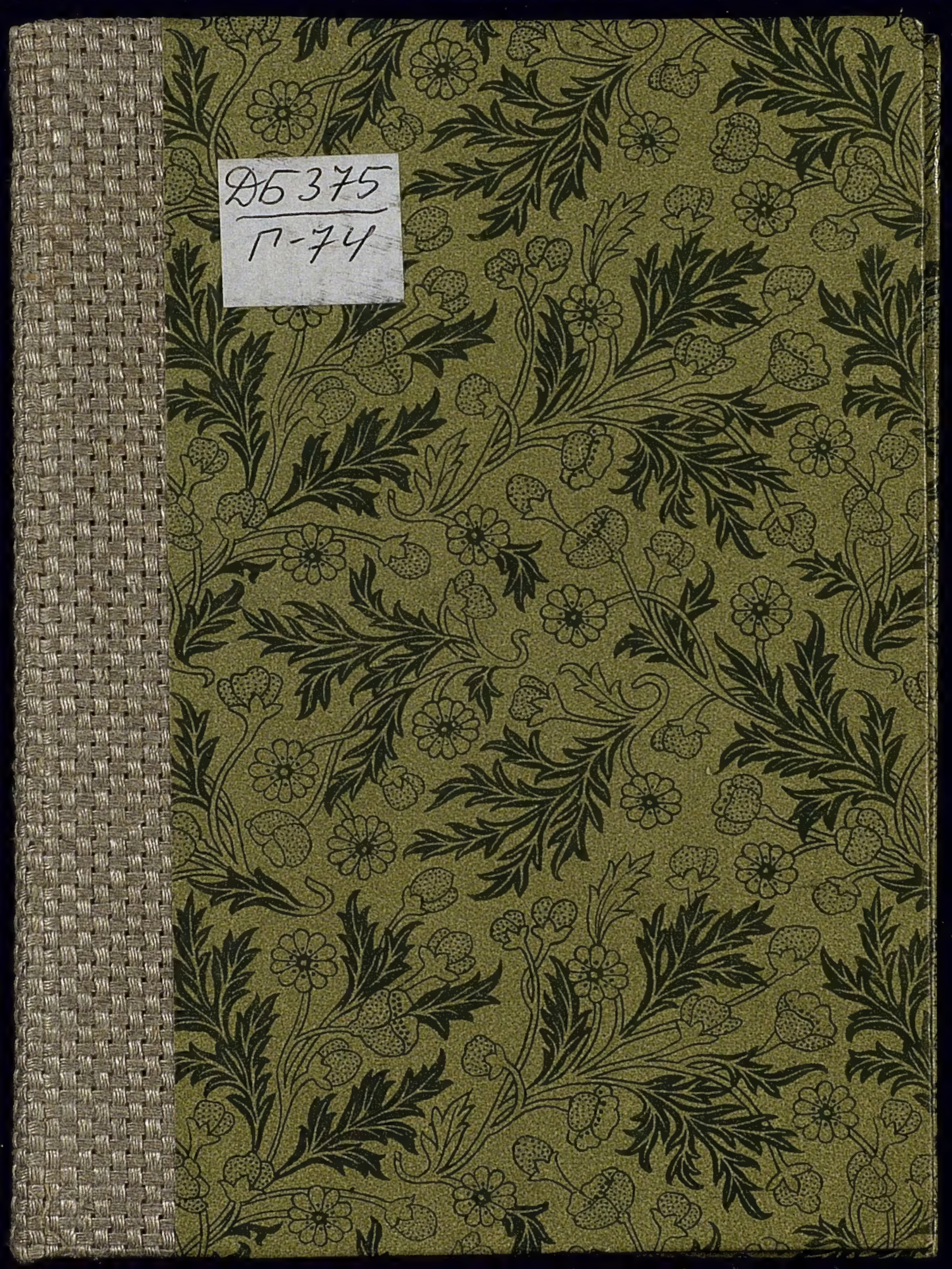
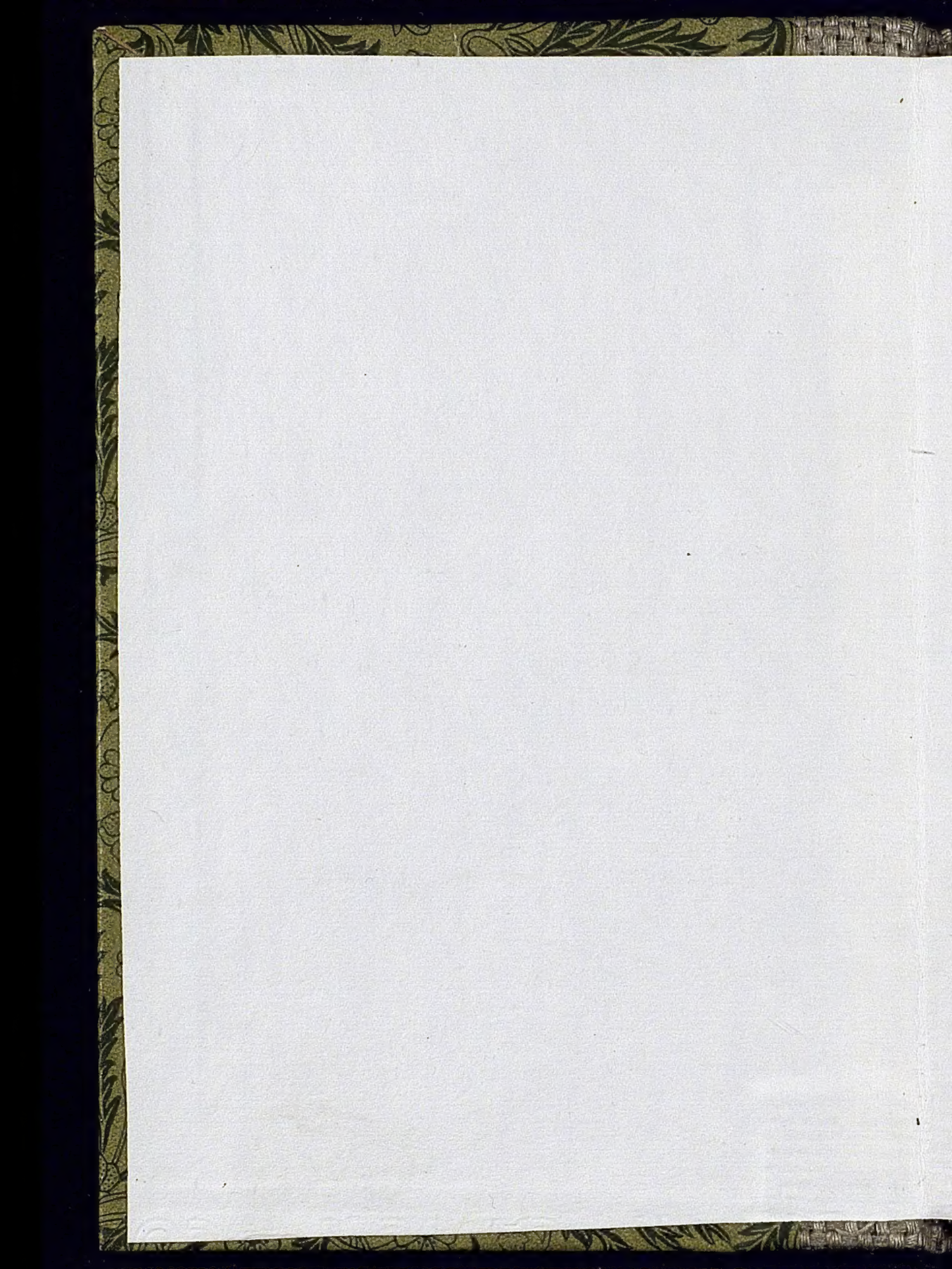
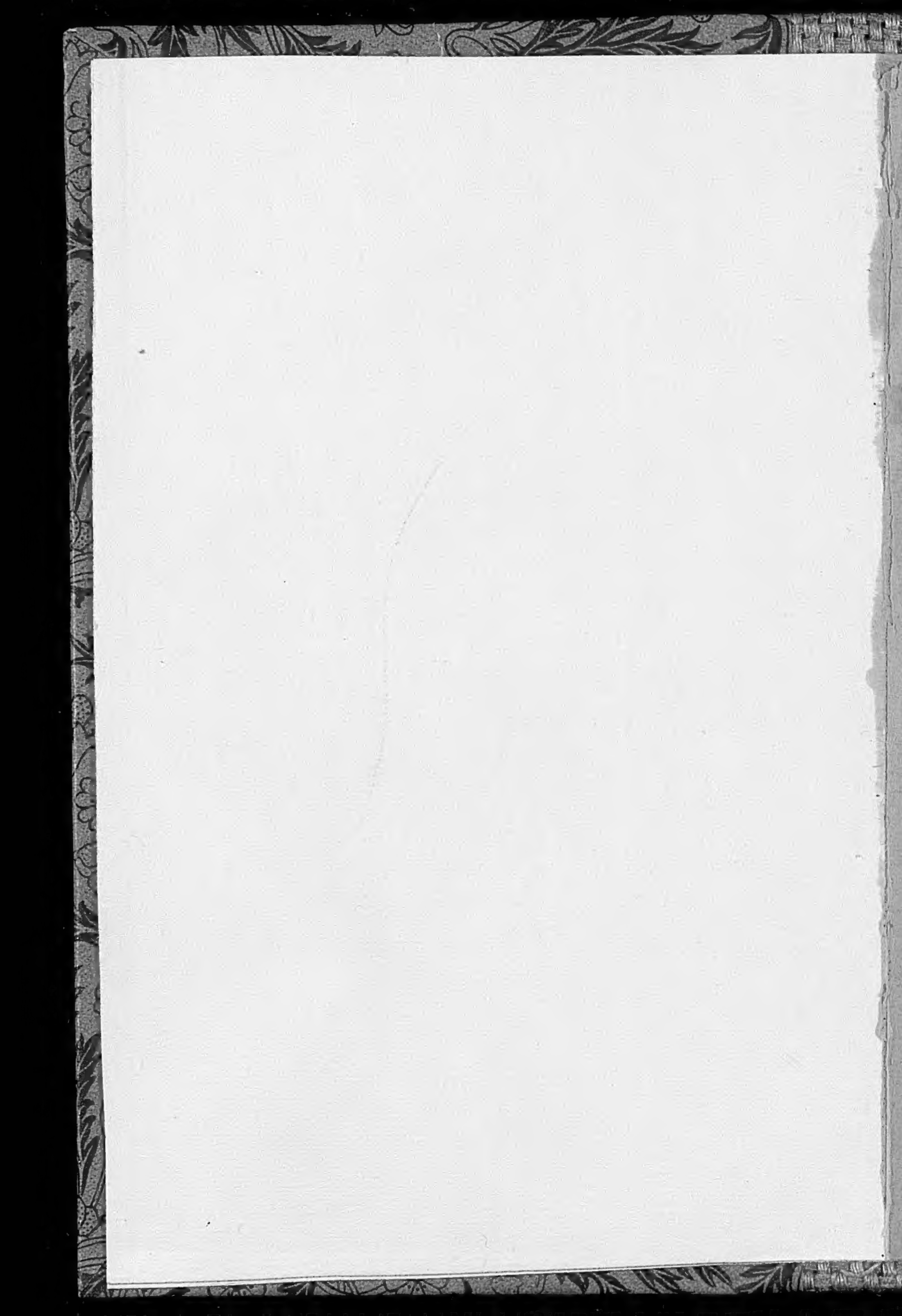

Д5375
П-74

И. Гофштеттеръ.

Забытый государственный человѣкъ

Николай Алексѣевичъ МИЛЮТИНЪ.

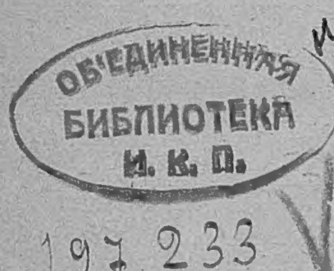
(По русскимъ и иностраннымъ источникамъ).

Ты въ мірѣ не гремѣлъ побѣдными громами,
Но подвиги твои славнѣе всѣхъ побѣдъ.
Великій труженникъ, ты скромно между нами
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный слѣдъ,

Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца—и палъ въ святомъ бою.

Миръ праху твоему! Хвалы тебѣ нѣтъ краше,
Нѣтъ лучшей надписи для гроба твоего,
Какъ краткія слова: „враги Россіи нашей
Всѣ были и враги заклятые его“.

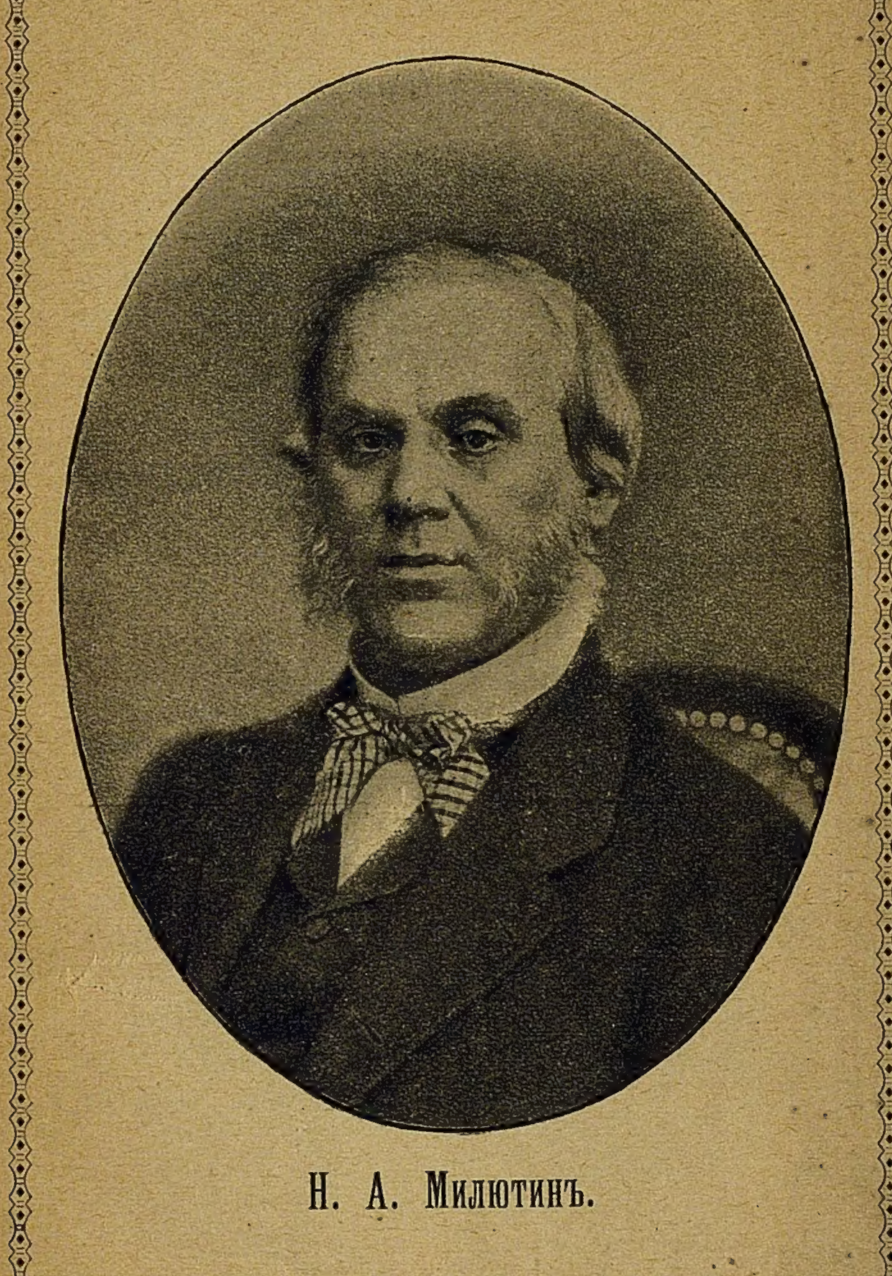
Н. Р. („Голосъ“)

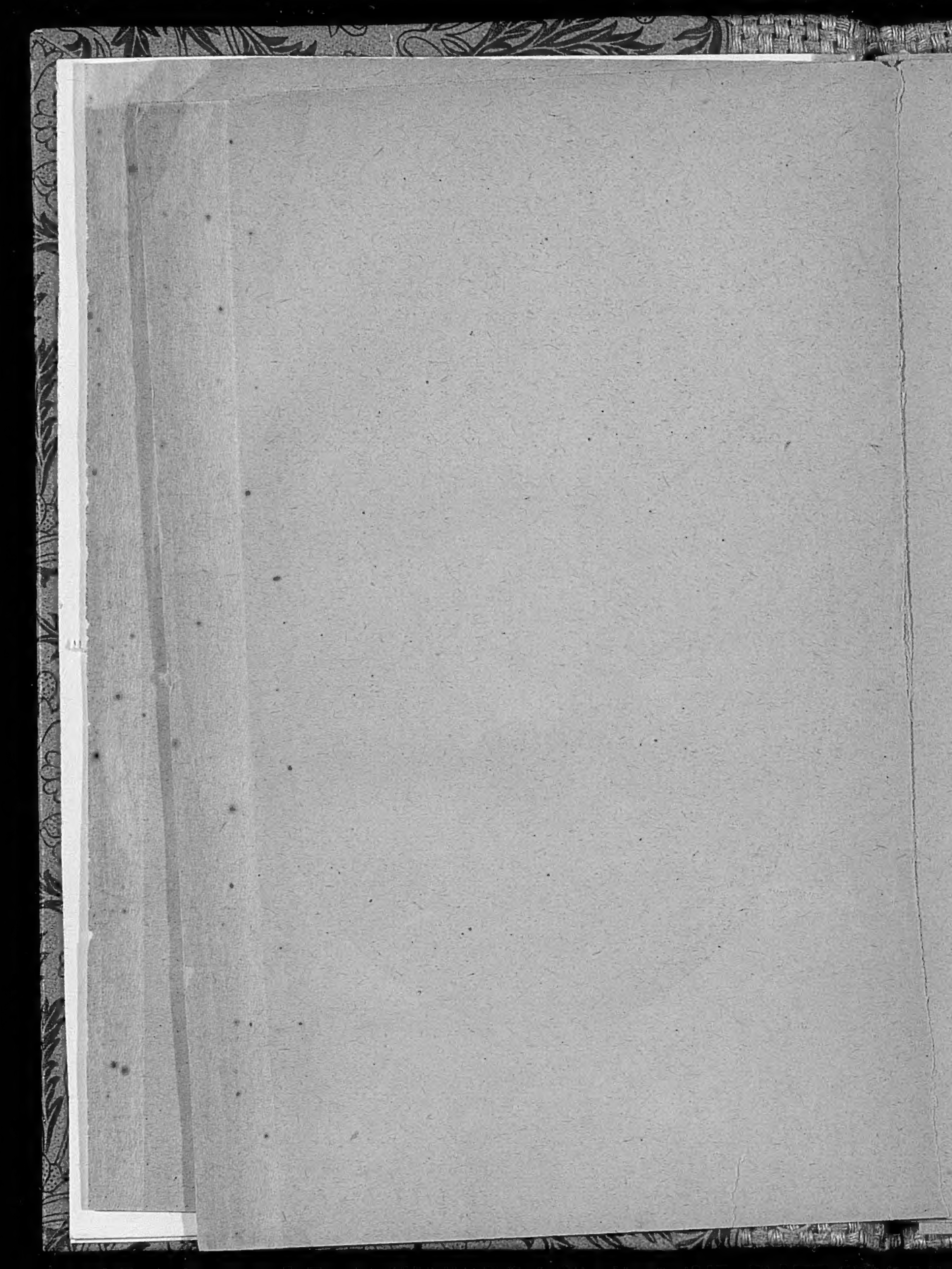
Съ портретомъ Н. А. Милютина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія, Ковенскій 14.
1901.

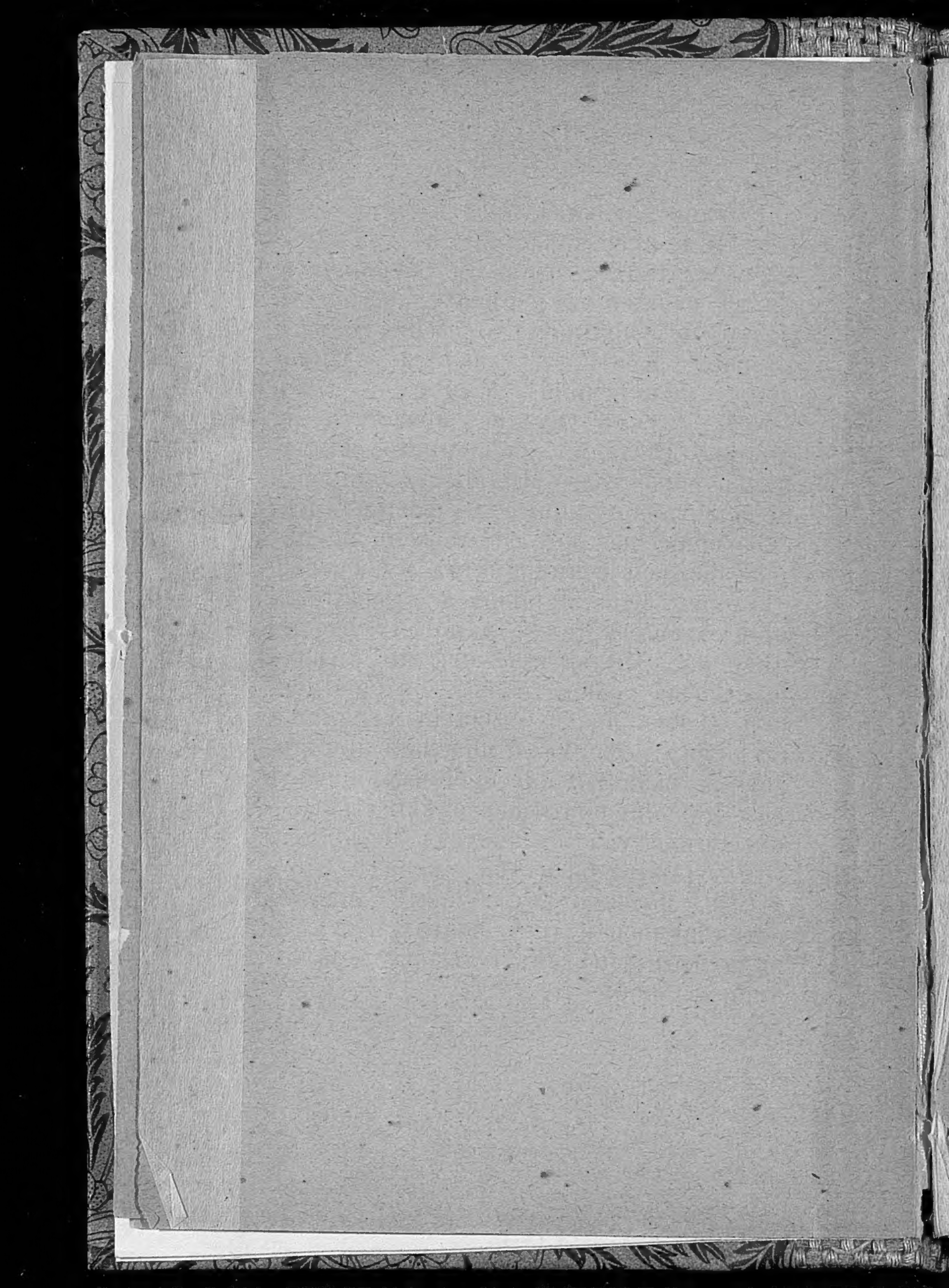
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 22 февраля 1901 г.

Н. А. Милютинъ.

Въ дни сорокалѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ ни въ юбилейныхъ статьяхъ газетъ и журналовъ, ни въ юбилейныхъ рѣчахъ ораторовъ почти не упоминалось имени самаго главнаго работника реформы — Николая Алексѣевича Милютина. Въ этомъ случаѣ нужно пожалѣть не столько дѣятеля, обойденнаго вниманіемъ общества,—Милютинъ никогда не искалъ популярности—сколько русское общество, которое можетъ не интересоваться величайшимъ изъ своихъ дѣятелей. Оно становится страдательнымъ лицомъ также и потому, что съ именемъ Милютина связана цѣлая программа общественно-государственной дѣятельности, создавшая величайшую изъ реформъ и могущая при широкомъ развитіи ея основныхъ началъ дать рѣшеніе почти неразрѣшимыхъ вопросовъ и указать выходъ изъ того культурнаго распутья, передъ которымъ, подобно сказочному витязю, остановилось и такъ долго стоитъ, не видя пути-дороженьки къ свѣтлому будущему, наше общество.

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ
Милютинъ.

Человѣчество бываетъ неблагодарно къ великимъ людямъ. Оно часто пользуется плодами ихъ творческаго генія, ихъ самоотверженной работы, не зная ихъ именъ. Къ числу такихъ несправедливо обойденныхъ славою дѣятелей принадлежитъ русскій государственный человѣкъ, непонятый современниками, полузабытый исторіею, Николай Милютинъ—главный работникъ по освобожденію крестьянъ и преобразователь олигархической Польши. Народъ не знаетъ его по праву своей темноты, а общество его не признаетъ потому, что дѣятельность этого человѣка не укладывалась въ узкія рамки господствующихъ направленій. Странно видѣть, что даже въ такомъ популярномъ изданіи, какъ книга Джаншіева «Изъ эпохи великихъ реформъ» на ряду съ біографическими очерками второстепенныхъ дѣятелей, нѣтъ спеціальнаго очерка, посвященнаго человѣку, который былъ

главнымъ двигателемъ величайшей изъ реформъ. Во всѣхъ статьяхъ, воспоминаніяхъ и мемуарахъ, относящихся къ этой эпохѣ, онъ всегда играетъ первенствующую роль, и несмотря на это во всей русской литературѣ нѣтъ ни одной біографіи Милютина. Интеллигентная Россія читаетъ жизнеописаніе Гамбеты, Гладстона, даже маркиза Велепольскаго, но повидимому не хочетъ знать величайшаго изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, которому столь многимъ обязана. Это былъ истинный подвижникъ государственнаго служенія, отдавшій свои силы, свою славу и свою жизнь защитѣ самыхъ важныхъ интересовъ народа. И въ Россіи, и въ Польшѣ онъ одинаково безкорыстно и одинаково самоотверженно служилъ народному дѣлу. Онъ былъ самымъ яркимъ и самымъ талантливымъ выразителемъ демократической идеи русской государственности, составляющей сокровенную сущность послѣдней, основу ея роста, главную причину ея тысячелѣтней исторической жизни и залогъ ея славнаго будущаго. Ни въ комъ другомъ изъ всѣхъ нашихъ историческихъ дѣятелей жизненосная идея эта не отпечатлѣлась съ такою поразительною ясностью, какъ на Милютинѣ. Его сила, его тайная власть надъ обстоятельствами и людьми,

подчинявшимися ему часто противъ своей воли, вопреки своимъ личнымъ или сословнымъ интересамъ, предразсудкамъ, убѣжденіямъ, исходила изъ его преданности этой верховной идеѣ, которой жила страна въ теченіи тысячелѣтія. Въ его роли было нѣчто стихійное и почти провиденціальное. Заподозрѣнный Императоромъ въ революціонныхъ тенденціяхъ, онъ силою обстоятельствъ становится главнымъ сотрудникомъ заподозрившаго его Государя въ величайшихъ реформахъ его царствованія. Ненавидимый корыстными элементами крѣпостническаго дворянства, онъ охраняетъ интересы дворянства, какъ наиболѣе культурнаго сословія и заставляетъ его явиться на земской службѣ благороднымъ и безкорыстнымъ работникомъ по устройству русской земли. Проклинаемый олигархической Польшей, онъ даетъ польскому народу земельное устройство и сельское самоуправленіе, освобождаетъ его отъ прежняго, многовѣковаго экономическаго рабства и юридической зависимости отъ помѣщика. Во всѣхъ своихъ проектахъ, во всѣхъ начинаніяхъ, какъ въ законченныхъ, такъ и недоведенныхъ до конца, онъ служилъ дѣлу свободы и права, порядка, справедливости и общественности.

Отдаленные предки Милютина были вы-

ходцами изъ Сербіи. Одинъ изъ нихъ по порученію Петра Великаго ѣздилъ заграницу изучать шелковое производство и вернувшись въ Россію основалъ нѣсколько фабрикъ. Мать Милютина была урожденная графиня Киселева. И по родству, и по происхожденію Милютины принадлежали къ крупному русскому дворянству. Изъ первой юности Николая Милютина извѣстенъ слѣдующій фактъ, глубоко запечатлѣвшійся въ его душѣ и быть можетъ до нѣкоторой степени предопредѣлявшій направленіе его дѣятельности: шестнадцатилѣтнимъ подросткомъ Милютинъ поѣхалъ на праздникахъ къ знакомымъ, послѣ обѣда въ веселомъ обществѣ своихъ хозяевъ отправился на балъ въ благородное собраніе и вернулся домой только въ 4 часа утра. На другой день онъ всталъ довольно поздно и, когда вышелъ къ завтраку, мать съ укоромъ спросила его: что онъ сдѣлалъ со своимъ кучеромъ, который почти цѣлыя сутки долженъ былъ продежурить на сильномъ морозѣ? Къ счастью, кучеръ нисколько не пострадалъ, но сознаніе небрежности къ личности крѣпостного человѣка глубоко запало въ душу Милютина и впервые заставило его почувствовать всю неправду, всю безчеловѣчность крѣпостного права. Еще въ молодые годы онъ потерялъ мать,

семья разорилась, родовое имѣніе пришлось продать и для того чтобы поддерживать себя и больного отца Николаю Алексѣевичу пришлось поступить на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Молодость его прошла за тяжелой чиновничьей работой въ тишинѣ канцелярій и кабинетовъ. Рутина до-реформенной бюрократіи съ почти военной дисциплиной николаевскихъ временъ, вырабатывая въ подчиненныхъ молчалинскую услужливость ума, угодливую неопредѣленность взглядовъ, пресмыкающуюся гибкость характеровъ, не обезличила Милютина, но воспитала въ немъ терпѣливую энергію и желѣзную выдержанность воли. Какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ своей карьеры онъ всегда оставался человѣкомъ независимымъ, вѣрнымъ своимъ принципамъ и убѣжденіямъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе графа Строганова запиской о неурожаяхъ и былъ экстренно позванъ къ министру. Идя въ кабинетъ министра Милютинъ въ душѣ готовился уже къ путешествію въ Сибирь или въ Вятку. При видѣ 22-лѣтняго юноши у графа Строганова зародилось сомнѣніе въ томъ, что Милютинъ дѣйствительно авторъ записки. Въ видѣ испытанія онъ заставилъ его тутъ же въ своемъ кабинетѣ составить проектъ желѣзныхъ до-

рогъ въ имперіи. Милютинъ блестяще выдержалъ это испытаніе и съ тѣхъ поръ ему стали часто поручать наиболѣе важныя работы.

При Перовскомъ онъ принималъ участіе во всѣхъ важныхъ законодательныхъ трудахъ. По его проекту въ 1846 году было введено городское самоуправленіе въ столицѣ. Съ его назначеніемъ на постъ директора хозяйственнаго департамента министерство внутреннихъ дѣлъ стало грозою для помѣщиковъ, злоупотреблявшихъ своею властью надъ крѣпостными. Современники утверждали, что многія рѣчи Перовскаго въ государственномъ совѣтѣ и въ другихъ собраніяхъ составлялись въ черновикахъ Милютинымъ и доставили министру репутацію рѣзкаго и умнаго оратора. Въ 1847 г., съ участіемъ Перовскаго (а слѣдовательно и при негласномъ сотрудничествѣ Милютина), былъ образованъ первый секретный комитетъ объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, но глухая оппозиція высшихъ должностныхъ лицъ и разразившееся въ Европѣ революціонное движеніе 48-го года заставили Императора Николая Павловича отказаться отъ желанія приступить къ освобожденію народа. Съ этихъ поръ Милютинъ навсегда утратилъ довѣріе къ тайнымъ комиссіямъ, которыя безъ под-

держки общественнаго мнѣнія оказываются совершенно безсильными противъ враждебныхъ вліяній, и когда, послѣ крымскаго погрома, вновь былъ возбужденъ крестьянскій вопросъ, то приложилъ всѣ старанія, чтобы придать этимъ работамъ по возможности болѣе гласности.

Несмотря на силу личнаго его вліянія на министра и важность его работъ для государства, служебное положеніе Милютина почти всегда было очень непрочно. Ему чрезвычайно вредила репутація «краснаго». Новый министръ генералъ Бибиковъ, принимая высшихъ чиновъ министерства, сказалъ на офиціальномъ представленіи по адресу Милютина, какъ автора преобразованія столичной думы, что, «находясь на службѣ Государя-Императора, надо вести дѣла въ духѣ самодержавія, а не проводить свои идеи, несогласныя съ монархическимъ правленіемъ». Однако ближе ознакомившись съ Милютинымъ и городовымъ положеніемъ 1846 г., Бибиковъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе и сдѣлалъ представленіе не только объ утвержденіи Милютина въ должности директора, но также и о награжденіи его орденомъ. Когда же Милютинъ благодарилъ его за эту награду, «Бибиковъ сказалъ ему, что считаетъ своею обязанностью какъ можно скорѣе провести его

черезъ всѣ формальныя условія для занятія высшихъ должностей, такъ какъ настоящее мѣсто Милютина не въ хозяйственномъ департаментѣ, а на томъ креслѣ, которое занимаетъ самъ «Бибиковъ (Шумахеръ «Позднія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ»).

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра II-го Бибиковъ былъ скоро замѣненъ Сергѣемъ Степанычемъ Ланскимъ. Новый министръ съ молоду посѣщалъ декабристовъ и сохранилъ въ душѣ сочувствіе къ преобразованіямъ. Частью его почтенный 70-лѣтній возрастъ, частью вообще слабость характера дѣлали его сочувствіе болѣе платоническимъ, чѣмъ активнымъ, и въ высшей степени не прочнымъ. Тотчасъ же по вступленіи въ министерство, онъ написалъ циркуляръ, въ которомъ говорилъ «о ненарушимости и охраненіи правъ дворянства». Сначала онъ не разгадалъ зевѣтныхъ желаній молодого монарха и когда, послѣ рѣчи Государя при пріемѣ орловскаго и нижегородскаго предводителей о необходимости улучшенія быта крѣпостныхъ, предводители обратились за разъясненіями къ Ланскому, то послѣдній поспѣшилъ увѣрить ихъ въ твердомъ намѣреніи правительства охранять крѣпостныя права помѣщиковъ» («На зарѣ крестьянск. свободы» «Русск.

Стар.»). Въ министерствѣ онъ быстро сошелся съ Милютинымъ и вполнѣ подчинился его нравственному вліянію. Насколько это было возможно по офиціальнымъ условіямъ, онъ въ дѣлѣ ожесточенной борьбы за реформу выдвигалъ вмѣсто себя своего молодого помощника и предоставлялъ ему руководящую роль. Его историческое значеніе заключается въ томъ, что онъ всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ Милютину и всѣмъ своимъ вліяніемъ помогалъ осуществленію его плановъ. Яркій примѣръ личной неустойчивости Ланского приводитъ въ своихъ запискахъ г. Калмаковъ. Министерство настаивало на томъ, чтобы до введенія новаго положенія о крестьянахъ были введены мировые посредники,—«воспріемники», которые должны были принять новорожденное дитя свободы». Проекту этому весьма основательно придавали особенно важное значеніе. Когда Ланской вернулся изъ засѣданія высшаго совѣта, Милютинъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Прошло ли предложеніе министерства?

— Не уважили!—отвѣчалъ Ланской со смѣхомъ.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, остались съ особымъ мнѣніемъ?

— Какое! Отступился и подписалъ,!—

съ тѣмъ же смѣхомъ отвѣчалъ министръ *).

Николай Павловичъ на смертномъ одрѣ завѣщалъ своему Преемнику освободить крестьянъ, но не оставилъ Сыну совѣтниковъ, которые могли бы помочь въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Среди просвѣщеннаго дворянства и въ обществѣ было, конечно, немало убѣжденыхъ сторонниковъ реформы, но они не были извѣстны Государю, чувствовавшему себя одинокимъ въ своихъ великихъ замыслахъ. Ощущался недостатокъ въ крупныхъ государственныхъ дѣятеляхъ, съ смѣлымъ и прозорливымъ взглядомъ, способныхъ оріентироваться въ эпохѣ, использовать общественное движеніе и создать для жизни Россіи новыя формы взамѣнъ устарѣлыхъ и пережитыхъ. Ходъ событій выдвинулъ на первый планъ истинно-государственнаго человѣка, но его силы остались въ значительной мѣрѣ не использованными, растраченными на мелочную борьбу, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что высшая власть еще не вполнѣ рѣшительно и безповоротно опредѣлила свою программу дѣйствій. Завѣтная мечта его жизни совпадала съ величайшею задачей его эпохи. Еще за нѣсколько лѣтъ до рефор-

*) «Русск. Стар.». Сент. 1885 г., стр. 475.

мы два передовыхъ мечтателя своего времени, Милютинъ и Самаринъ, познакомились и сошлись другъ съ другомъ на почвѣ эмансипаторскихъ стремленій. Зная Милютина заочно, по его антикрѣпостнической дѣятельности въ хозяйственномъ департаментѣ и по реформѣ столичной думы, Юрій Өедоровичъ Самаринъ пріѣхалъ къ нему въ имѣніе а тамъ они въ теченіи нѣсколькихъ дней проговорили почти исключительно объ обсвобожденіи крестьянъ, не предчувствуя, что имъ обоимъ скоро придется играть такую выдающуюся роль въ осуществленіи этой золотой мечты. Участію Милютина въ этихъ работахъ косвеннымъ образомъ способствовала такая случайность, какъ личное знакомство съ великой княгиней Еленой Павловной.

Благодаря шуму, который былъ поднятъ вокругъ имени Милютина по поводу преобразованія петербургской думы, великая княгиня Елена Павловна заинтересовалась имъ и просила его дядю, графа Киселева, представить ей его талантливаго племянника. Познакомившись съ нимъ ближе, она всею душою отдалась его реформаторскимъ планамъ и употребила въ ихъ пользу все свое вліяніе при дворѣ. Принятый въ Михайловскомъ дворцѣ, Милютинъ былъ представленъ тамъ Госуда-

рынѣ, и великому князю, Константину Николаевичу и получилъ поддержку со стороны двора, окруженнаго враждебными реформѣ партіями *).

Этими тайными вліяніями и личнымъ авторитетомъ Милютина въ глазахъ офиціальныхъ руководителей работъ по выработкѣ реформы: Ланскаго, Ростовцева, Панина и великаго князя Константина Николаевича—объясняется возможность его дѣятельнаго сотрудничества во всѣхъ начинаніяхъ правительства по крестьянскому вопросу. Въ эпоху всеобщаго колебанія, робкихъ сомнѣній и нерѣшительности вліяніе внутренно убѣжденнаго человѣка должно было стать преобладающимъ.

Объ истиныхъ размѣрахъ его исторической роли заставляютъ догадываться нѣкоторыя письма изъ переписки ближайшихъ къ Государю лицъ великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича.

Елена Павловна первая откликнулась на рѣчь государя, приглашавшую дворянъ приступить къ освобожденію крѣпостныхъ и, желая освободить своихъ крестьянъ въ имѣніи Карловкѣ Полтавской губ., вступила по этому вопросу въ перего-

---

*) Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной «Русск. Ст.» 1890 г.

воры съ Милютинымъ. Онъ настаивалъ на томъ, что для тетки Императора недостаточно еще показать примѣръ личнаго великодушія и что въ хартіи освобожденія Карловки она должна положить основаніе новаго закона, который могъ бы получить примѣненіе по всей Россіи. Вмѣсто отдѣльнаго акта частной благотворительности Милютинъ хотѣлъ саздать на этомъ частномъ случаѣ модель общегосударственной реформы.

Въ его письмахъ къ великой княгинѣ написанныхъ еще въ 1856—7 годахъ по поводу устройства Карловки, намѣчается уже весь планъ будущихъ дѣйствій правительства. Считая необходимымъ предоставить иниціативу освобожденія дворянамъ-собственникамъ, Милютинъ, однакоже, не совѣтывалъ предоставить имъ также и окончательное рѣшеніе вопроса. Онъ предлагалъ прежде всего войти съ разрѣшенія императора въ офиціальныя предварительныя переговоры съ самыми либеральными и вліятельными собственниками, какъ напр. кн. Кочубей и М. Тарновскій, относительно организаціи провинціальныхъ комитетовъ и намѣтить персоналъ комитетовъ. Ихъ отвѣты имѣлось въ виду, сгруппировать въ особой запискѣ, которая потомъ должна была быть представлена на утвержденіе Государя. «Если

бы эти господа выразили бы въ тоже время свои идеи на существо вопроса—прибавляетъ Милютинъ—то будетъ благоразумнѣе не входить въ разборъ ихъ взглядовъ, чтобы сохранить за правительствомъ свободу дѣйствій въ будущемъ». Эта часть письма послужила какъ бы программою дальнѣйшихъ событій: правительство, какъ извѣстно, придало губернскимъ комитетамъ значеніе и характеръ только совѣщательныхъ органовъ. Проектъ устройства карловскихъ крестьянъ великая княгиня передала Государю. «Было рѣшено—сообщаетъ она въ письмѣ къ Милютину о результатахъ своей бесѣды съ императоромъ въ Царскомъ Селѣ—что мнѣ будетъ приказано черезъ министра внутреннихъ дѣлъ созвать собраніе помѣщиковъ Полтавской губерніи, готовыхъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, указавъ при этомъ, что такъ какъ выше упомянутое предложеніе удостоилось высочайшаго одобренія, то я уполномочена дѣйствовать, руководствуяся этими основаніями.» Въ другомъ письмѣ Милютинъ доказываетъ необходимость сразу поставить во главѣ дѣла человѣка близкаго къ трону, пользующагося безусловнымъ довѣріемъ Государя. «Первые шаги—пишетъ онъ—потребуютъ твердой моральной опоры, чтобы утвердить идеи и убѣжденія еще ко-

леблющіеся въ періодѣ ихъ зарожденія. Частное лицо не имѣетъ ни авторитета, ни необходимой независимости для исполненія подобной миссіи. Могу ли я указать лицо, которое обладаетъ всѣми нужными для этого данными?»—спрашиваетъ Милютинъ—и указываетъ на великаго князя Константина Николаевича. Къ сожалѣнію, великій князь не принялъ предложеніе стать во главѣ дѣла и выступилъ въ этой роли лишь въ 1860 г., назначенный Государемъ на постъ предсѣдателя Главнаго Комитета. «Отсутствіе этой forte direction—замѣчаетъ г-жа Милютина—весьма горько ощущалось и слѣдующіе за этимъ письмомъ два года можно считать потерянными для дѣла».

Дѣйствительно Секретный Комитетъ, назначенный Государемъ для предварительной разработки крестьянскаго вопроса, ровно ничего не дѣлалъ и не хотѣлъ дѣлать въ смыслѣ его разрѣшенія; члены комитета, важные сановники имперіи видѣли свою задачу въ томъ, чтобы насколько возможно тормозить дѣло. Ихъ противодѣйствіе сильно раздражало Государя, который страстно хотѣлъ освобожденія крестьянъ и на опытѣ убѣдился, что въ новомъ дѣлѣ нельзя обращаться къ людямъ отходящаго въ вѣчность прошлаго.

По настоянію Ланского, который жаловался, что всѣ его представленія комитетъ оставляетъ безъ послѣдствій, Государь 15-го іюля 1857 года назначилъ членомъ комитета великаго князя Константина Николаевича, что послужило нѣкоторымъ толчкомъ къ дѣлу.

Первые годы участіе Милютина въ подготовленіи крестьянской реформы было только косвеннымъ и негласнымъ. Пользуясь его совѣтами, «Ланской не рѣшался облечь его участіе въ официальную форму». Поэтому его дѣятельность очень трудно отдѣлить отъ дѣятельности министерства и министра. Въ виду общаго несочувствія къ дѣлу освобожденія со стороны предводителей дворянства, министерство вошло въ сношеніе съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, который представилъ первое ходатайство объ освобожденіи крестьянъ отъ имени литовскаго дворянства. Проектъ рескрипта на имя Назимова, приглашавшій дворянъ остальныхъ губерній примкнуть къ почину литовскаго дворянства, былъ, по порученію Ланского составленъ Милютинымъ. Только при энергичномъ содѣйствіи великаго князя рескриптъ этотъ былъ проведенъ черезъ секретный комитетъ. По настоянію Милютина, Ланской напечаталъ рескриптъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и ра-

зослалъ всюду по Россіи, дабы придать дѣлу возможно широкую огласку, отнимающую возможность отступленія назадъ. Противники министерства, къ которымъ принадлежалъ тогда и Я. И. Ростовцевъ, въ «исправленіе» сдѣланныхъ по виленскому генералъ-губернаторству распоряженій, добились опубликованія «дополнительнаго отношенія» къ рескрипту. Торжество своего направленія реакціонная партія намѣревалась поддержать сильными военно-полицейскими мѣрами. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ Муравьевымъ и Ростовцевымъ проектъ введенія военнаго управленія во всей Россіи въ видѣ учрежденія генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ изъ военныхъ. Эти экстренныя мѣры принимались по чувству недовѣрія къ спокойствію народа и сами по себѣ могли вызвать еще большія волненія, которыя весьма печально отразились бы на ходѣ реформы.

Въ это критическое время всякія смуты были на руку крѣпостникамъ, которые систематически застращивали правительство. Проектъ Ростовцева былъ сочувственно принятъ Государемъ, сдѣлавшемъ на поляхъ собственноручную резолюцію о необходимости принять мѣры предосторожности. Ланской представилъ Государю составленную Арцимовичемъ и редактированную

Милютинымъ записку противъ проекта, но она была принята такъ неблагосклонно, что министръ счелъ нужнымъ заготовить прошеніе объ отставкѣ. Реакція подняла голову и, вмѣсто словъ: «освобожденіе крестьянъ», въ офиціальныхъ бумагахъ снова стали въ ходу болѣе неопредѣленныя выраженія: «устройство крестьянъ», «улучшеніе крестьянскаго быта» и т. д.

На министерствѣ внутреннихъ дѣлъ лежала трудная задача — доказать ненужность экстренныхъ мѣръ и полное довѣріе народа, терпѣливо ожидающаго воли изъ рукъ Монарха. Съ цѣлью успокоить тревожныя опасенія, министръ, по соглашенію съ Милютинымъ, еженедѣльно докладывалъ Государю о всѣхъ случаяхъ неповиновенія помѣщикамъ. Эта статистика обнаружила, что со времени опубликованія мѣръ по улучшенію крестьянскаго быта неповиновенія стали повторяться замѣтно рѣже. Сводка этихъ свѣдѣній, прочитанная въ Главномъ Комитетѣ, вырвала у реакціонеровъ почву изъ-подъ ногъ и заставила усумниться въ необходимости исключительныхъ мѣръ. Въ томъ же направленіи старалась вліять и великая княгиня Елена Павловна. Въ концѣ-концовъ, Государь измѣнилъ свои воззрѣнія, и проектъ Ростовцева и Муравьева былъ благополучно сданъ въ архивъ. Кромѣ постоянной борьбы съ

такими вѣяніями, главную заслугу министерства, а косвенно и Милютина, надо видѣть въ томъ, что ему удалось организовать правительственную партію въ губернскихъ комитетахъ изъ членовъ, сочувствующихъ освобожденію, и подготовить учрежденіе редакціонныхъ комиссій. Подгоняя представленіе адресовъ, охраняя спокойствіе, въ странѣ, министерство приняло мѣры къ огражденію крестьянъ отъ обезземеленія до освобожденія ихъ и тактично устранило всѣ препятствія къ безостановочному и правильному ходу дѣла. («Записки сенатора Я. Соловьева». «Рус. Стар.»).

Съ 1859 года начинается офиціальное участіе Милютина въ разработкѣ крестьянскаго вопроса. Поводомъ къ этому послужилъ очень печальный для него эпизодъ. Крѣпостническія партіи прекрасно знали закулисную роль Милютина и изъ вражды къ нему, какъ автору столичнаго Городового Положенія, раздули незначительный эпизодъ—столкновеніе петербургской думы съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ Въ комитетѣ министровъ, гдѣ это столкновеніе обсуждалось подъ предсѣдательствомъ самого Государя, всѣ выражали нареканія на Милютина. Одинъ только князь Горчаковъ пытался заступиться за него, находя, что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ го-

родское самоуправленіе отдѣлено отъ общей администраціи, но Государь рѣзко остановилъ его словами:

— Напрасно заступаешься. Милютинъ давно имѣетъ репутацію краснаго, и за нимъ надо присматривать.

Ланской передалъ этотъ отзывъ Милютину. Послѣдній подалъ въ отставку, полагая, что едва ли Государю угодно терпѣть на своей службѣ подозрительныхъ людей. Когда дня черезъ три Ланской на докладѣ сообщилъ объ этомъ Государю, Государь отвѣчалъ, что у него были основанія недовѣрять Милютину, который заставляетъ слишкомъ много говорить о себѣ.

— Можешь ли ты ручаться за него?— спросилъ онъ министра.

— Какъ за себя самого,—увѣренно отвѣчалъ Ланской.

Государь казался обезоруженнымъ и сказалъ, что, въ такомъ случаѣ не видитъ надобности въ отставкѣ Милютина.

Эти дни семья Милютиныхъ переживала съ тревожнымъ ожиданіемъ. Не имѣя ничего, кромѣ жалованья, Милютинъ разсчитывалъ по выходѣ въ отставку заняться литературнымъ трудомъ, организовать свой журналъ, жена его приготовлялась переѣхать къ брату въ деревню и считала возможнымъ даже и болѣе печальную развязку съ путешествіемъ въ

отдаленные края. Но все обошлось сравнительно благополучно. На вечерѣ у великой княгини Елены Павловны Императрица ободрила Милютина нѣсколькими сочувственными словами о реформѣ и какъ бы вскользь сказала при немъ графу Бобринскому, что у насъ въ Россіи такія клички, какъ «красный» и пр., не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Тяжело работать, чувствуя недовѣріе со стороны Императора, но благородное желаніе помочь своими силами окончанію великой реформы заставило Милютина не покидать своего поста. Громадную роль сыграло въ этотъ моментъ личное вліяніе Елены Павловны. «Въ ея глазахъ присутствіе Милютина въ министерствѣ было необходимо для успѣха дѣла. Она называла его прошеніе объ отставкѣ дезертирствомъ наканунѣ рѣшительной битвы». Представляясь Государю черезъ нѣсколько дней по случаю полученія ордена св. Анны, Милютинъ встрѣтилъ мягкій и почти ласковый пріемъ. Пользуясь обстоятельствами, Ланской назначилъ его официально членомъ и предсѣдателемъ крестьянскаго комитета въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а черезъ три мѣсяца добился назначенія и товарищемъ министра.

Послѣдняго результата онъ достигъ съ большими усиліями. Государь рекомен-

довалъ ему въ товарищи князя Оболенскаго, но тотъ самъ отказался быть соперникомъ Милютина, какъ главнаго помощника министра въ крестьянской реформѣ. Послѣ вторичнаго доклада Ланского Государь согласился наконецъ назначить Милютина, но и то лишь въ качествѣ «временного» товарища министра, какимъ Милютинъ оставался до тѣхъ поръ, покамѣсть реформа не была окончена. Въ новомъ званіи онъ открыто занялъ мѣсто главнаго руководителя работъ министерства по крестьянскому вопросу. Первымъ и главнымъ условіемъ освобожденія онъ считалъ надѣленіе крестьянъ землею съ помощью выкупа надѣловъ, но сначала эта мысль не встрѣчала сочувствія въ Императорѣ. Всякій разъ, какъ Ланской заикался о выкупѣ Государю, Его Величество прерывалъ его словами:

— Это невозможно, объ этомъ нельзя и думать.

Къ счастью, Милютину въ числѣ прочихъ частныхъ проектовъ, отсылаемыхъ въ министерство, попался проектъ гр. А. П. Бобринскаго, предлагавшаго выкупъ. Познакомившись съ Бобринскимъ у вел. княгини Елены Павловны, Николай Алексѣевичъ, по соглашенію съ Ланскимъ, пригласилъ его принять участіе въ крестьянскомъ комитетѣ. Проектъ Бобринскаго о

выкупѣ былъ обстоятельно переработанъ и въ лицѣ своего автора пріобрѣлъ очень авторитетнаго и вліятельнаго пропагандиста «по всѣмъ салонамъ, министерствамъ и царскимъ покоямъ». Благодаря усердной пропагандѣ гр. Бобринскаго, принадлежащаго къ родовитѣйшей аристократіи и незаподозрѣннаго въ либеральныхъ крайностяхъ, мысль о выкупѣ, казавшаяся сначала опасной химерой, постепенно пріобрѣла права гражданства и была положена въ основу реформы.

Колебанія высшей власти, настойчивой въ своемъ горячемъ желаніи освободить народъ, но отступающей передъ упорнымъ противодѣйствіемъ вліятельныхъ враговъ реформы, значительно ослабѣли подъ вліяніемъ личнаго друга Государя, Якова Ивановича Ростовцева, который самъ постепенно все болѣе и болѣе увлекался идеею освобожденія. Въ 1858 году почти одновременно съ назначеніемъ Милютина на постъ товарища министра, Ростовцевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій, образованныхъ для разсмотрѣнія всѣхъ губернскихъ проектовъ и окончательной разработки общаго закона. На аудіенціи, данной Милютину по случаю его новаго назначенія, Государь съ глазу на глазъ совѣщался съ нимъ о подготовительныхъ дѣйствіяхъ по освобож-

денію. Въ видахъ облегченія Ростовцеву его задачи, Милютинъ рекомендовалъ пригласить на консультацію съ представителями министерствъ нѣсколькихъ крупныхъ провинціальныхъ землевладѣльцевъ, выдѣлившихся въ губернскихъ комитетахъ своими трудами, согласными съ видами правительства. Ту же мысль онъ высказывалъ и Ланскому, и самому Ростовцеву, который пригласилъ его участвовать въ комиссіи. Она была горячо поддержана министромъ и благосклонно принята Императоромъ, предначертавшимъ предсѣдателю такой планъ дѣйствіи. Приглашеніе нѣсколькихъ дворянъ-экспертовъ въ томъ числѣ Черкасскаго, Самарина, Галагана, Тарновскаго и пр. было сдѣлапо по указаніямъ Милютина.

Замѣчательны подробности откровеннаго разговора съ Государемъ, относящіяся лично къ самому Милютину. Когда рѣчь зашла о репутаціи новаго товарища министра, приписывающей ему революціонныя тенденціи, Милютинъ, по словамъ его жены, сказалъ Государю:

— Что же касается до революціонерства, то объ этомъ позволительно было мечтать въ молодости и при совершенно другихъ условіяхъ; нынѣ же, когда я успѣлъ посѣдѣть въ борьбѣ съ произволомъ и неразвитостью высшихъ слоевъ

нашего общества, которое при конституціонномъ правленіи создало бы у насъ деспотизмъ олигархіи, чего я для своего отечества вовсе не желаю, нынѣ, когда правительство либеральнѣе самого общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ, то-есть именно ту мысль, которая составляла предметъ лучшихъ надеждъ и упованій тѣхъ, кого клеймили названіемъ *красныхъ* революціонеровъ,—нынѣ не только исчезаетъ всякій оппозиціонный духъ, а напротивъ всѣ силы и старанія могутъ совершенно искренно быть устремлены къ достиженію столь великихъ и прекрасныхъ цѣлей, и я сочту себя счастливымъ посвятить имъ всю мою жизнь.

Все прошлое Ростовцева мало внушало довѣрія къ его способности счастливо довести дѣло до конца. Полное незнакомство съ законодательствомъ, отсутствіе твердыхъ принциповъ въ воззрѣніяхъ по крестьянскому вопросу, плохія вліянія очень умнаго, но крайне несимпатичнаго по своимъ тенденціямъ совѣтника Позена, этого типичнаго помѣщика-кулака, немилосердно прижимавшаго своихъ крестьянъ — все сначала внушало Милютину тревожныя сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе дѣйствительность оказалась несравненно лучше ожиданій. Съ одной стороны святое дѣло освобожде-

нія само по себѣ поднимало нравственное настроеніе Ростовцева на небывалую высоту, заставляя его внутренно перерождаться и обновляться въ своихъ воззрѣніяхъ, съ другой стороны этому помогло и личное вліяніе Милютина. «Милютинъ обладалъ удивительнымъ даромъ заражать всѣхъ своею горячностью. Убѣжденность давала ему возвышающее вліяніе на окружающихъ». Почва была болѣе чѣмъ благодарная. Генералъ чувствовалъ себя мало въ курсѣ вопроса, но искренно проникся великодушнымъ намѣреніемъ Царя и желаніемъ освободить крестьянъ. Онъ понималъ величіе порученнаго ему дѣла и тяжесть принятой на себя отвѣтственности и съ готовностью принималъ всякія указанія отъ болѣе свѣдущихъ и компетентныхъ сотрудниковъ. Въ силу превосходства знаній, таланта и энергіи не только надъ престарѣлымъ Ланскимъ и Ростовцевымъ, но и надъ остальными коллегами по комиссіи, Милютинъ сталъ фактическимъ руководителемъ ея работъ, чему отчасти способствовало и его офиціальное положеніе предсѣдателя крестьянскаго комитета и различныхъ подкомиссій въ редакціонной комиссіи; «другіе подходили къ дѣлу безъ изученія и плана, онъ же изучалъ его впродолженіе многихъ годовъ и внесъ съ собою идеи, совершенно

созрѣвшія, систему, вполнѣ законченную». Самаринъ, Черкасскій, Галаганъ, Татариновъ и Тарновскій составляли въ комиссіяхъ ядро партіи, поддерживавшей министерство внутреннихъ дѣлъ. На его сторонѣ было по истинѣ блестящее большинство талантовъ, знанія и благороднаго безкорыстія. У него были всѣ «качества главы партіи и истинно государственнаго человѣка, умѣющаго группировать вокругъ себя умы, сердца, идеи и убѣжденія. Онъ обладалъ авторитетомъ, внушающимъ инстинктивную вѣру въ его рѣшенія, и тонкимъ политическимъ тактомъ, подсказывающимъ, что въ данный моментъ возможно и достижимо». Первое время Ростовцевъ особенно выдвигалъ полтавскаго помѣщика Позена, представившаго проектъ освобожденія крестьянъ съ выкупомъ не только земель, но и душъ при посредствѣ операцій опекунскаго совѣта; но скоро истинный духъ позеновскихъ вожделѣній былъ обнаруженъ Милютинымъ, и Ростовцевъ отказался отъ своего протеже, въ отместку за что Позенъ написалъ на него доносъ.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ работы редакціонныхъ комиссій быстро пошли впередъ. Общія начала сельскаго устройства, самоуправленіе общинъ, раздѣлъ и выкупъ земель—все это съ незначительными измѣненіями въ подробно-

стяхъ было намѣчено по плану Милютина. «Въ собраніи, гдѣ мужикъ не имѣлъ представителя, Милютинъ и его друзья добились для него не только голой свободы, но такъ же освобожденія административнаго и экономическаго—путемъ надѣленія землею и учрежденія сельскаго самоуправленія, независимаго отъ опеки бывшихъ господъ» (Леруа-Болье). Какой борьбы, какихъ усилій стоили эти результаты при всеобщемъ противодѣйствіи, враждѣ и интригахъ—трудно представить себѣ. Кромѣ опозиціоннаго меньшинства самой комиссіи, сторонники Милютина должны были бороться и противъ Главнаго Комитета. большинство членовъ котораго стояло за безземельное освобожденіе крестьянъ. Глава реакціонной партіи, предсѣдатель Комитета кн. Орловъ, при первомъ представленіи комиссіи говорилъ, что задача ея—«распутать дѣло.» «А что вы сдѣлаете не такъ, мы поправимъ»—прибавилъ онъ. Особенно безпощадно крѣпостническая партія относилась къ Ростовцеву, въ которомъ видѣла какъ бы перебѣжчика въ либеральный лагерь, измѣнника своему дѣлу. Слабое здоровье стараго генерала не вынесло всѣхъ этихъ тревогъ и онъ вскорѣ умеръ, не докончивъ начатаго, но завѣщая Государю въ посмертномъ посланіи довести реформу до конца. Смерть Ростов-

цева была страннымъ ударомъ для комиссіи. «Ростовцевъ умеръ сегодня, въ 7 часовъ утра,—писалъ Ланской Милютину, —пріѣзжайте ко мнѣ сейчасъ же, надо посовѣтоваться, что предпринять». До какой степени сильна была враждебная партія—видно изъ того, что въ угоду ей Государь замѣстителемъ покойнаго назначилъ принципіальнаго врага реформы, графа Панина. Сообщая объ этомъ назначеніи Милютину, Ланской добавляетъ, что «Панинъ назначенъ подъ условіемъ ничего не мѣнять ни въ ходѣ дѣлъ комиссіи, ни въ ея личномъ составѣ»». Едва назначенный, новый предсѣдатель тотчасъ же выразилъ желаніе бесѣдовать съ Милютинымъ. «Графъ Панинъ желаетъ васъ видѣть, чтобъ имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи и ходѣ работъ въ обѣихъ комиссіяхъ»,—предупреждаетъ Ланской. «Когда я ему сказалъ, что Вы больны, онъ предложилъ лично поѣхать къ Вамъ на слѣдующей недѣлѣ. Запаситесь терпѣніемъ и вложите въ Ваши идеи какъ можно больше спокойствія».

Это назначеніе внесло понятную тревогу въ сердца работниковъ комиссіи. Многіе связывали съ нимъ ожиданіе рѣзкаго поворота въ волѣ самого Императора. Когда великая княгиня Елена Павловна выразила свое опасеніе по поводу того, что убѣжденія новаго предсѣдателя совсѣмъ не вя-

жутся съ реформой, Государь отвѣтилъ ей: —«Вы совсѣмъ не знаете Панина. У него нѣтъ иного убѣжденія, какъ желаніе угодить мнѣ». Это, однако же, не помѣшало Панину по мѣрѣ возможности тормозить работы комиссій. Въ засѣданіяхъ 6-го и 8-го апрѣля онъ дѣлалъ всѣ «усилія, чтобы сломить сопротивленіе Милютина и большинства и добиться отмѣны рѣшеннаго при Ростовцевѣ коренного вопроса о безсрочности пользованія крестьянъ землею до выкупа ея». «Графъ Панинъ,—пишетъ по этому поводу въ своихъ запискахъ Валуевъ,—хотѣлъ опрокинуть начало постояннаго пользованія, но долженъ былъ уступить». Когда всякія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе Милютина, —говоритъ Джаншіевъ, — графъ Панинъ «сталъ прибѣгать ко всевозможнымъ кляузамъ для затяжки дѣла», «протоколы задерживались недѣлями, исправлялись въ духѣ предсѣдателя» и пр. «Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ на свѣжую воду Милютинымъ, гр. Панинъ поблѣднѣлъ, и задыхаясь, сказалъ:—«Такъ это, значитъ, вы выражаете сомнѣнія въ моемъ словѣ?» Членъ редакціонной комиссіи Булыгинъ, чтобы затормозить дѣло, отказалъ въ содѣйствіи межевщиковъ, подчиненныхъ Муравьеву. Милютинъ уличилъ его въ желаніи противодѣйствовать ко-

Булыгин?

миссіи и публично назвалъ недостойнымъ оставаться въ средѣ ея членовъ, что чуть не повело къ дуэли.

Положеніе Милютина считалось уже поколебленнымъ, но Государь твердо рѣшилъ окончить реформу и не устранять изъ комиссіи человѣка, который двигалъ все дѣло. На вечерѣ у Елены Павловны онъ бесѣдовалъ съ Милютинымъ и выразилъ желаніе, чтобы послѣдній оставался на своемъ посту, продолжая помогать новому предсѣдателю комиссіи. Сообщая объ этомъ въ письмѣ къ Ланскому, Милютинъ прибавляетъ: «Этотъ разговоръ придаетъ мнѣ новый жаръ для дальнѣйшей работы». Медлительность Панина дѣлала необходимыми новыя воздѣйствія. «Государыня позвала сегодня утромъ Панина, чтобы поторопить его»,—пишетъ Милютину Ланской. Великая княгиня Елена Павловна извѣщала Милютина о назначеніи великаго князя Константина Николаевича, въ видахъ ускоренія дѣла, предсѣдателемъ Главнаго Комитета, въ который должны были поступить работы редакціонныхъ комиссій. Великій князь выражалъ ей желаніе видѣть Милютина и пригласить его къ себѣ, какъ только просмотритъ проектъ Положенія о крестьянахъ, чтобы обсудить его. «Великій князь возмущенъ

поведеніемъ Панина относительно васъ— пишетъ она далѣе.—Я видѣла Панина сегодня и высказала ему мое мнѣніе объ этомъ. Онъ мнѣ представилъ очень слабыя оправданія». Только при такихъ могущественныхъ союзникахъ Милютинъ могъ бороться съ Панинымъ, не уступая ему ни пяди изъ крестьянскихъ интересовъ и правъ. Замѣчательно, что въ редакціонной комиссіи ему удалось отстоять реформу совершенно неприкосновенной. Проектъ Положенія великій князь Константинъ Николаевичъ называлъ «славнымъ памятникомъ комиссіи». Только позднѣе въ государственномъ совѣтѣ были внесены нѣкоторыя частичныя, однако же довольно важныя, уступки, какъ напр. допущенъ такъ-называемый гагаринскій или нищенскій надѣлъ, даровою уступкою котораго помѣщикъ освобождался отъ своихъ обязанностей къ крестьянамъ. Положеніе о крестьянахъ было быстро подъ личнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя и Государя проведено черезъ Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ. Допустивъ нѣкоторыя уступки въ пользу помѣщиковъ, Государь остался непреклоннымъ въ наиболѣе важныхъ пунктахъ и въ виду враждебнаго къ проекту отношенія большинства почти по всѣмъ вопросамъ присоединялся къ мнѣнію меньшинства.

Такимъ образомъ дѣло было выиграно въ послѣдней инстанціи. Рука Милютина прикасалась и къ послѣднему акту великой реформы—къ редакціи манифеста, которымъ провозглашалось освобожденіе русскаго народа. «Великій князь проситъ васъ доставить ему проектъ манифеста въ воскресеніе въ 2½ часа»—пишетъ Милютину секретарь Константина Николаевича, гр. Головнинъ 31-го января 1861 г. Проектъ этотъ, написанный Самаринымъ и проредактированный Милютинымъ, какъ извѣстно, былъ посланъ по приказанію Императора московскому митрополиту Филарету, который придалъ ему религіозный стиль и характеръ.

Благополучное окончаніе реформы послужило концомъ служебной карьеры ея главныхъ работниковъ. Черезъ 1½ мѣсяца послѣ объявленія манифеста Ланской и Милютинъ были въ угоду крѣпостникамъ безъ прошенія уволены изъ министерства, съ назначеніемъ первый въ государственный совѣтъ, второй — въ сенатъ. Престарѣлый министръ не вынесъ этого удара и вскорѣ умеръ, а его бывшій товарищъ отправился въ долговременное путешествіе заграницу. Братъ и тетка Императора тщетно настаивали на необходимости оставить Милютина въ министерствѣ для продолженія работъ по ре-

формамъ, вытекающимъ изъ освобожденія крестьянъ. Получивши отъ Головнина 21 февраля 1861 г. записку, написанную отъ имени великаго князя съ выраженіемъ пожеланія дальнѣйшаго сотрудничества въ преобразованіи Россіи, Милютинъ на другой же день въ отвѣтъ на любезный призывъ послалъ Константину Николаевичу тщательно разработанный планъ земской реформы, которая была введена только 3 года спустя. «Великій князь находитъ, что для великаго дѣла вы необходимы болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, и должны замѣнить Ланского»—снова пишетъ 1 марта Головнинъ. Но Государь не рѣшился утвердить Милютина даже въ званіи товарища министра. Его называли врагомъ и разорителемъ дворянства. Государь внялъ голосу недовольныхъ и поручилъ осуществленіе реформы Валуеву, который держался «примирительнаго направленія».

Тяжело было дѣятелямъ реформы видѣть свое дѣло переданнымъ въ чужія руки, но Милютинъ, усталый отъ напряженной работы, истерзанный борьбою, вѣрилъ въ прочность преобразованія, лучшей защитой котораго оставалась гуманность Государя и общая радость всей страны. Въ письмахъ къ Самарину и Черкасскому онъ пытается поддержать бодрость въ друзьяхъ, говоритъ, что «теперь (съ назна-

ченіемъ мировыхъ посредниковъ, уже состоявшемся при Ланскомъ) главная работа не въ столицѣ, а въ провинціи, въ деревнѣ». Онъ примиряется съ тѣмъ, что «жертвуя нѣсколькими работниками, думаютъ облегчить выполненіе реформы», и утѣшаетъ себя мыслью, что, уступая реакціи, Государь разсчитываетъ побѣдить ее и не допустить никакого искаженія хартіи 19 февраля. Самыми опасными для дѣла свободы Милютинъ считалъ не козни реакціонеровъ, которые всегда сами доказывали полную несостоятельность своей программы, а какія-нибудь манифестаціи недовольныхъ друзей реформы, которыя безсильны улучшить положеніе и даютъ только пищу и силу реакціи.

Черезъ годъ Милютинъ былъ вызванъ изъ своего заграничнаго отпуска и встрѣченъ Государемъ съ полнымъ довѣріемъ. Государь хотѣлъ поручить ему управленіе Польшей, въ которой уже поднималось бурное броженіе. Тому, кого подозрѣвали въ революціонныхъ замыслахъ, довѣряли подавленіе польской революціи. Милютинъ всѣми силами отклонялъ отъ себя это порученіе. Ему много помогли въ этомъ случаѣ его противники и вся польская партія, выдвигавшая на предлагаемый ему постъ своего кандидата — маркиза Велепольскаго. Когда миссія послѣдняго при-

вела къ отрицательнымъ результатамъ, Милютинъ по новому требованію Государя долженъ былъ явиться въ Царское и принять на себя руководство польскими дѣлами. Порученіе это онъ принялъ безъ всякаго оффиціальнаго званія, вмѣсто предложенныхъ 33 т. жалованія, ограничился только 10-ю тысячами (считая и разъѣздныя) и снова призвалъ къ себѣ на помощь своихъ старыхъ друзей по крестьянской реформѣ—Самарина, Черкасскаго, Соловьева и пр. Съ ихъ содѣйствіемъ онъ блестяще разрѣшилъ крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, щедро надѣливъ крестьянъ землею, и предоставивъ имъ права сельскаго (гминнаго) самоуправленія съ упраздненіемъ административной и судебной власти помѣщика. Десятки тысячъ безземельныхъ крестьянъ были поселены на казенныхъ и секуляризированныхъ монастырскихъ земляхъ.

По сравненію съ крестьянской реформой 1861 года выработанное Милютинымъ положеніе 19 февраля 1864 года, безспорно, представляется болѣе полнымъ и законченнымъ. Во-первыхъ, польскіе надѣлы несравненно больше обезпечивали хозяйственныя потребности крестьянъ. Во-вторыхъ, польскіе крестьяне вступали въ права собственности на свою землю тотчасъ же по обнародованіи указа, безъ всякихъ переходныхъ временныхъ по-

ложеній, которое должно было переживать на пути къ свободѣ русское крестьянство. Въ третьихъ, на польскихъ крестьянъ не налагалось никакихъ выкуповъ, причемъ уплата помѣщикамъ была произведена изъ суммъ повышеннаго обложенія всѣхъ земельныхъ имуществъ въ странѣ. Такимъ образомъ русское правительство осуществило на дѣлѣ тѣ декреты Narodovego Rzond'a, которые выражали собою самыя смѣлыя мечты крайнихъ демократовъ Польши въродѣ Костюшки, бывшихъ совершенно безсильными сдѣлать что ни-будь для народа вопреки господствующей аристократической олигорхіи. Заслуги Милютина передъ польскимъ народомъ всего яснѣе могутъ быть выражены въ слѣдующихъ цыфрахъ: по вычисленію польскаго статистики Зеленскаго, число крестьянскихъ усадебъ съ 424 т. возросло послѣ милютинскихъ реформъ до 657 т. (т. е. болѣе чѣе въ $1^1/_2$ раза), при чемъ площадь крестьянскаго землевладѣнія въ этихъ усадьбахъ возросла съ 3,718 т. морговъ въ 1864 г. до 8,286 т. въ 1872 г. (т. е. увеличись въ $2^1/_2$ раза. По вычисленіямъ проф. Симоненко число безземельныхъ въ Царствѣ Польскомъ сразу уменьшилось болѣе чѣмъ на милліонъ душъ. 548 т. душъ «каморниковъ» сверхъ укрѣпленія за ними наличнаго надѣла получили еще дополни-

тельныя нарѣзки изъ такъ-называемыхъ «пустокъ». При 3,613 т. сельскаго населенія Польши въ 1863 г. насчитывалось 1,339 т. безземельныхъ, а послѣ введенія реформы количество послѣднихъ исчислялось всего только въ 70 т. душъ. «Въ то время, какъ въ Познани именно съ крестьянской реформы 1850 г. началось сильное возростаніе пролетаріата, милютинская реформа въ Царствѣ Польскомъ, напротивъ, почти что уничтожена въ странѣ безземельный пролетаріатъ и на цѣлыя десятки лѣтъ отстранили отъ польскаго народа всѣ ужасы бездомныхъ и безработныхъ скитаній» (Симоненко, «Сравнительная статистика»).

Многіе даже изъ числа доброжелателей Милютина придаютъ его аграрнымъ реформамъ въ Польшѣ спеціально политическій характеръ и ставятъ ему въ вину щедрость надѣленія крестьянъ землею, несравненно бо̀льшую, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Въ дѣйствительности Милютинъ не имѣлъ въ аграрномъ вопросѣ двухъ взглядовъ и двухъ мѣрокъ. Онъ былъ вѣренъ своему единому принципу и всюду отождествлялъ дѣло государства съ дѣломъ народа. Широта приложенія его принципа въ Россіи и въ Польшѣ, дѣйствительно, разная, но эта разница объясняется не двойственностью его возрѣній и стремленій, а исклю-

чительно различіемъ въ чисто внѣшнихъ обстоятельствахъ, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать: въ Польшѣ онъ былъ всемогущимъ диктаторомъ, въ Россіи же только тайнымъ вдохновителемъ и руководителемъ реформы, второстепеннымъ чиновникомъ, таланты котораго очень высоко цѣнились, замыслы котораго подозрѣвались, и который всегда балансировалъ между фаворомъ и опалою находился въ неопредѣленномъ положеніи между административною ссылкою и министерскимъ постомъ. Противорѣчіе съ принципомъ хотятъ видѣть въ разной степени осуществленія этого принципа и въ вину Милютину готовы ставить противодѣйствія его враговъ. Еще съ большимъ несочувствіемъ отнеслись передовые кружки къ милютинскому преобразованію гражданскаго управленія Польши. Они не могутъ ему простить лишенія ея автономіи, совершенно упуская изъ виду, что автономное самоуправленіе Царства Польскаго было въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ организованною тираніею крѣпостнической олигархіи надъ безправнымъ, вѣками порабощеннымъ народомъ,—олигархіей, живущей милостью и поддержкой русскаго правительства и непримиримо враждебной къ Россіи. Милютинъ былъ совершенно чуждъ идеѣ насильственнаго

полицейскаго обрусѣнія, онъ признавалъ національную личность польскаго народа неприкосновенной. Не только низшая, но и средняя школа по его проектамъ, утвержденнымъ Государемъ и облеченнымъ въ императорскіе указы, получила право преподаванія на мѣстномъ языкѣ. Утвержденіе правъ польскаго языка и полная свобода вѣроисповѣданія и бытовыхъ особенностей должна была по его плану умиротворить національное чувство польскаго народа, а благодѣтельныя земельныя реформы и данныя въ гминномъ устройствѣ гарантіи личной свободы крестьянина должны были сдѣлать его оплотомъ русской власти въ странѣ,—власти, демократической по духу и потому способной искать опоры не въ высшихъ классахъ помѣщиковъ, какъ Австрія въ Галиціи, а въ народныхъ массахъ.

Задачу свою Милютинъ видѣлъ въ томъ (смотри письма къ Соловьеву), чтобы рядомъ разумныхъ и справедливыхъ мѣропріятій поднять на достодолжную высоту развитія и культуры крестьянское населеніе Польши и «вывести на сцену общественной жизни новаго, невѣдомаго въ польской исторіи дѣятеля—польскій народъ». Въ этихъ видахъ онъ придалъ возможно болѣе демократическое устройство гминному самоуправленію, за что г. Спасовичъ не-

чатно упрекалъ Милютина въ служеніи демагогическому принципу, повторяя тѣ политическія инсинуаціи, которыя такъ сильно колебали довѣріе Государя къ талантливѣйшему изъ сотрудниковъ всего царствованія. Милютинъ одновременно былъ заподозрѣнъ и крѣпостническими партіями, и наиболѣе либеральными кружками. Несочувствовать его задачамъ и его политикѣ можно только или въ силу полнаго незнакомства съ истиннымъ духомъ преобразованныхъ имъ автономныхъ польскихъ учрежденій, или по классовому пристрастью къ либеральной олигархіи польскаго дворянства. Много силъ и энергіи у кружка реформаторовъ Польши поглотила борьба съ противодѣйствіемъ официальнаго намѣстника царства польскаго, графа Берга, опиравшагося на могущественную даже и при дворѣ польскую аристократію и на солидарную съ ней крайне тактичную и выдержанную партію балтійскихъ дворянъ.

Вернувшись изъ засѣданія государственнаго совѣта, въ которомъ онъ добился отмѣны конкордата, Милютинъ въ декабрѣ 1866 г. былъ разбитъ параличомъ и на всегда отказался отъ общественной дѣятельности. Онъ скончался въ Москвѣ 26 января 1872 г. Въ его лицѣ Россія, еще темная для самой себя, не отдающая себѣ отчета

въ своихъ историческихъ путяхъ, не имѣющая ясной программы прогресса, рутинная и въ своемъ либерализмѣ, и въ своемъ консерватизмѣ, потеряла одного изъ величайшихъ государственныхъ людей, которыми она такъ бѣдна. Такимъ геніальнымъ дѣятелямъ, какъ Милютинъ,—открыта звѣздная книга, по которой опытный штурманъ опредѣляетъ курсъ государственнаго корабля, направляя его мимо подводныхъ скалъ и угрожающихъ крушеніемъ рифовъ. Онъ унесъ съ собою въ могилу великія государственныя идеи и цѣлую программу преобразованій, которая, быть можетъ, обновила бы жизнь народа и могла бы избавить Россію отъ мучительно-тяжелыхъ и неразрѣшимыхъ диссонансовъ и противорѣчій россійскаго прогресса. Его призваніемъ было служить дѣлу освобожденія народовъ. «Пока будутъ существовать на Руси свободные люди— сказалъ о немъ Тургеневъ—въ числѣ немногихъ именъ, составляющихъ гордость Россіи, имя Милютина будетъ произноситься съ особеннымъ чувствомъ благодарности и почета».

